

© 2008 г. А. А. ГИППИУС

К ПРОБЛЕМЕ РЕДАКЦИЙ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ. II¹

Предварительные выводы, к которым мы пришли в первой части данной работы [1], таковы. “Повесть временных лет” (ПВЛ), составленная в Киево-Печерском монастыре около 1115 г. на основе Начального свода (ок. 1091 г.) и его анналистического продолжения (Печерской летописи), была в 1116 г. переписана игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром. В следующем, 1117 г. на основе списка Сильвестра по заказу переведенного в тот год Владимиром Мономахом из Новгорода в Белгород Мстислава Владимировича был изготовлен “княжеский” экземпляр нового летописного свода, включивший в себя ряд дополнений. Некоторые из этих дополнений были тогда же перенесены в список Сильвестра (вероятно, самим выдубицким игуменом). Соответственно, “ипатьевский” текст ПВЛ восходит к ее “княжескому” экземпляру 1117 г., тогда как “лаврентьевский” текст – к списку Сильвестра 1116 г., дополненному на основе этого экземпляра.

Продолжим наши рассуждения и попробуем уточнить состав дополнений, сделанных редактором 1117 г., а также установить, какие из них и как были перенесены в сильвестровский экземпляр ПВЛ.

Как следует из сказанного выше, картина представленности чтений редакции 1117 г. в основных списках ПВЛ определяется двумя факторами: контаминированным характером текста ПВЛ в Радзивиловской летописи и предполагаемым “обновлением” кодекса Сильвестра на основе “княжеского” экземпляра ПВЛ. В зависимости от соотношения этих факторов восходящий к редакции 1117 г. конкретный текстовый фрагмент может быть представлен в списках ПВЛ тройким образом: 1) только в ипатьевской группе списков (ИХ); 2) в ипатьевской группе и – в силу контаминации – также в Радзивиловской летописи (РА); 3) во всех списках (там, где редактура была воспроизведена в списке Сильвестра).

Вплоть до статьи 6604 г. вероятные проявления редактуры 1117 г. невелики по объему и немногочисленны. Возводить к этой редакции какие-либо фрагменты основного текста ПВЛ в этих хронологических пределах оснований нет. Из специфически “ипатьевских” и “ипатьевско-радзивиловских” изве-

Гиппиус Алексей Алексеевич – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Продолжение. Начало см. в № 5 журнала “Славяноведение”, 2007 г. Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “Русская культура в контексте мировой истории”.

стий к редакции 1117 г. с наибольшей надежностью возводятся ладожская версия рассказа о Рюрике и известие о рождении Мстислава под 6584 (1076) г. С большой вероятностью отражение этой редактуры можно, вслед за Шахматовым [2. С. 624, 647], видеть также в исправлении и дополнении сведений о византийских императорах в статьях 6421 г. (Лавр.: “Костянтинъ сынъ Леонтовъ”; в ИХ добавлено: “зять Романовъ”) и 6463 г. (Лавр.: “ц(ѣ)с(а)рь имянемъ Цѣмьский”; ИХ: “Костянтинъ сынъ Леоновъ”) [3]².

Положение меняется в статье 6604 г., в которой редакция 1117 г. впервые обнаруживается не только в ипатьевском, но и в лаврентьевском тексте ПВЛ. По мысли Шахматова, вмешательство составителя “третьей редакции” в текст этой статьи не ограничилось включением в нее уже неоднократно упоминавшегося разговора летописца с Гюрятой, но затронуло и смежные участки текста. В Лаврентьевском списке данному эпизоду предшествует “Поучение” Владимира Мономаха, а продолжает его во всех списках рассказ о походе Олега Святославича на Муром и войне с ним Изяслава и Мстислава Владимировичей. Большую часть следующей статьи 6605 г. составляет так называемая “Повесть об ослеплении Василька Теробовльского”. Все эти тексты Шахматов так или иначе связывал с созданием “третьей редакции”.

В отношении завершающего статью 6604 г. рассказа о событиях в Северо-Восточной Руси эта атрибуция представляется справедливой. Относя этот рассказ к “третьей редакции”, Шахматов отмечал его необыкновенную подробность, странную для киевского летописца времен Святополка; знание автором не понаслышке новгородских реалий (о погребении Изяслава: “и положиша и у с(вя)тыѣ Софьѣ на лѣвѣи сторонѣ”); близость его к Мстиславу Владимировичу и новгородскому епископу Никите (см. в окончании рассказа: “Мстиславъ же възвративъся вспять Суждалю, отуду поиде Новугороду в свои град м(о)л(и)твами пр(е)п(одо)бнаго епископа Никиты”), а также интерес к владениям Киево-Печерского монастыря в Суздале (составителя третьей редакции ПВЛ Шахматов считал печерянином) [2. С. 553–554]³.

В развитие этих наблюдений Шахматова можно привести несколько дополнительных соображений. Обращает на себя внимание, что ряд оборотов, использованных в заключительной части статьи 6604 г., находит ближайшие аналогии в кратком рассказе о походе Владимира Мономаха на Глеба Всеславича в 6624 г. Приведем его полностью с параллелями из статьи 6604 г.

[6604]

В лѣт(о) 6624. Приходи Володимеръ на Глѣба. Глѣбъ бо бяше воевалъ Дрѣговичи и Случескъ пожегъ, и не каяшеться о семъ, ни покарашеться, но болѣ противу Володимеру

² В том же ряду следует, возможно, рассматривать и вставки в рассказ о Кие, выражающие сомнения в достоверности сведений о приеме Кия императором: “Но сии Кии княжаше в роду своем, и приходившу ему къ ц(ѣ)с(а)рю, не свѣмы, но токмо о семъ вѣмы, якоже сказаютъ, яко велику честь приялъ есть от ц(ѣ)с(а)ря, которого не вѣмъ и при котором приходи ц(ѣ)с(а)ри” (подчеркнуты дополнения РАИХ; см. [4. С. 89]).

³ К летописанию Мстислава Владимировича относит данный рассказ и Н.И. Милютенко [5. С. 63–64].

Олег же *надѣяся на правду* [свою] яко правъ бѣ в семь Олегъ...

... и *оузрѣ* Олегъ стягъ Володимерь и оубояся и *оужасъ нападе на нь*...

... а язъ тебе *во всемъ послушаю*...
... *Улег же омиривъ городъ* овы изъима а другыя расточи... [З. Т. 2. С. 227–230]

гл(агол)аше, оукаряя и. *Володимеръ же надѣяся на Б(ог)а и на правду* поиде къ Смоленьску съ с(ы)нми своими, и с Давыдомъ С(вя)тославичемъ и Олговичи <...> И затворися Глѣбъ въ градѣ, Володимеръ же нача ставити истьбу оу товара своего противу граду. Глѣбови же *оузрившю оужасеся* с(е)рдц(е)мъ, и нача ся молити Глѣбъ Володимеру: шля от себе послы. Володимеръ же съжали си тѣмъ, оже проливашеться кровь въ дни постъныхъ великого поста, и вдасть ему миръ. Глѣбъ же вышедъ из города съ дѣтми и съ дружиною поклонися Володимеру, и молвиша рѣчи о мирѣ, и обѣщася Глѣбъ *по всему послушати* Володимера. *Володимеръ же омирѣвъ Глѣба* и наказавъ его о всемъ, вдасть ему Менескъ, а самъ възратися Киеву [З. Т. 2. С. 282–283].

Отдельно взятые, отмеченные параллели можно было бы объяснить следованием общему стилевому этикету: выделенные сочетания, действительно, носят формульный характер. Характерно, однако, что ни выражение *надѣятися на правду*, ни “связка” *оузрѣ + оужасеся (оужасъ нападе)*, ни обещание *во всемъ (по всему) послушати* нигде более в ПВЛ не представлены. Глагол *омирити* хотя и засвидетельствован еще двумя примерами (под 6600 и 6603 гг.), выступает в них в иных грамматических формах и синтаксических позициях – здесь же общей является не только сама лексема, но и контекст *Х же, омиривъ*... Стечение этих признаков в двух рассказах, разделенных двадцатилетним интервалом, не может быть случайным: в нем следует видеть или результат сознательной ориентации автора статьи 6624 г. на статью 6604 г. или – что кажется более вероятным – свидетельство принадлежности обоих рассказов одному автору.

Тому же автору, которым был записан рассказ о походе Владимира на Глеба в 1116 (6624) г., явно принадлежит и известие последней в ПВЛ статьи 6625 г. о походе Владимира на Ярослава Святополчича. Два рассказа объединяет свойственный им и малохарактерный для ПВЛ в целом значительный элемент морализаторства. В обоих пассажах отношения между киевским великим князем и его противником строятся по особой, нигде более в ПВЛ не встречающейся модели: Глеб и Ярослав *покоряются* Владимиру, *кланяются* ему (Ярослав даже бьет челом), обещают *слушаться* во всем своего сюзерена; Владимир же милостиво *наставляет* побежденных. Ср. с приведенным выше рассказом статьи 6624 г. следующий фрагмент статьи 6625 г.: “...и стояша днии шестьдесятъ, и створи миръ съ Ярославомъ. Ярославу покорившюся и вдарившю челомъ пе-

редь строемъ своимъ Володимеромъ; и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему к собѣ приходити: когда ты позову” [3. Т. 2. 285]. Особо отметим, что глагол *наказати* за пределами этих двух статей в ПВЛ при описании отношений между князьями не используется.

Единство литературной манеры двух рассказов позволяет относить оба к редакции 1117 г. К той же редакции в таком случае, может быть отнесен и рассказ о войне Мстислава с Олегом в 1096 г.

Косвенным подтверждением этого может служить идейная и текстуальная перекличка между рассказом о Мстиславе в статье 6604 г. и письмом Владимира Мономаха к Олегу Святославичу, включенным в его “Поучение”. В назидательных речах, которые произносит Мстислав в статье 6604 г., молодой князь демонстрирует совершенно те же качества – смирение, благоразумие не по годам, волю к примирению, – которые отмечает в сыне Мономах в послании к Олегу. Объяснять это сходство одной лишь объективностью летописца было бы наивно: кажется очевидным, что между двумя текстами имеется прямая зависимость. Поскольку послание к Олегу бесспорно представляет собой подлинный документ, не опирающийся на летописные источники, остается предполагать обратное: что статья 6604 г. использует письмо Мономаха. Составление летописной подборки текстов Мономаха датируется 1117 г., к которому относится последний из упоминаемых в автобиографической части “Поучения” поход на Ярослава Святославича. Шахматов, отмечая совпадение этой даты с окончанием “третьей редакции” ПВЛ, предположил, что “Поучение” было включено в свод 1118 г. [2. С. 553]. По причинам, о которых будет сказано ниже, это кажется маловероятным. Но нельзя не признать, что зависимость рассказа о Мстиславе под 1096 г. от “Письма к Олегу” очень хорошо объясняется исходя из предположения о написании этого рассказа в том же 1117 г., в котором “Письмо” обрело новую литературную жизнь, войдя в состав “Поучения”⁴.

Статью 6605 г. полностью занимает текст, обычно именуемый “Повестью об ослеплении Василька Теребольского”. Это традиционное обозначение нужно признать неудачным: оно создает иллюзию единства, от которого текст статьи 6605 г. в действительности очень далек. Несмотря на указанные Шахматовым очевидные признаки текстологической гетерогенности данной статьи, “Повесть” до сих пор чаще всего рассматривается исследователями как имеющая одного автора – Василия, о личности которого высказывались самые разные предположения [7].

Представление самого Шахматова о структуре статьи 6505 г. и этапах ее формирования не оставалось неизменным. Сначала он полагал, что рассказ Василия был внесен в летопись составителем редакции 1118 г., отредактировав-

⁴ В связи с этим нельзя не отметить еще одного близкого соответствия между “Поучением” и заключительными статьями ПВЛ в редакции 1117 г. В уже цитированном рассказе статьи 6624 г. о походе Владимира Мономаха на Глеба Всеславича мотивация отказа Владимира от штурма Смоленска ближайшим образом напоминает данную в “Поучении” мотивацию оставления Мономахом Чернигова в 1094 г.. Ср. в ПВЛ: “Володимеръ же съжали си тѣмъ, оже проливашеться кровь въ дни постыня великого поста, и вдасть ему миръ” [3. Т. 2. С. 283]; и в “Поучении”: «[Съ]жаливъси х(ре)стьяных д(у)шь и сель горящих и манастырь и рѣхъ: “не хвалитися поганымъ”, и вдахъ брату отца своего мѣсто, а самъ идох на отца своего мѣсто Переяславу» [3. Т. 1. С. 249]. Заметим, что согласно нашей реконструкции истории текста “Поучения” [4], данный пассаж принадлежит к числу добавлений к первоначальному тексту его автобиографической части, сделанных в 1117 г.

шим его в духе прославления Владимира Мономаха [2. С. 417–420]; в дальнейшем ученый пришел к выводу, что включение рассказа в ПВЛ и его литературная обработка были произведены Сильвестром во второй редакции ПВЛ. Колебания Шахматова в данном вопросе отразились в книге 1916 г.: в то время как в реконструированном тексте ПВЛ весь текст статьи, за исключением начального фрагмента, помечен как относящийся к третьей редакции, во введении Шахматов выделяет в этой статье фрагменты трех типов, принадлежащие: 1) Нестору, 2) Василию, 3) Сильвестру [2. С. 550–555; 878–896].

Тот факт, что ни Шахматову, ни продолжившему его наблюдения М. Д. Приселкову [8. С. 284–285] не удалось прийти к непротиворечивой стратификации статьи 6605 г., ни в коей мере не компрометирует стратификационный подход к этому тексту: он лишь сигнализирует о неадекватности схемы, в рамках которой предпринимались до сих пор попытки стратификации. Принятые и сделанные выше поправки к этой схеме, позволяют, как кажется, предложить решение для поставленной Шахматовым задачи.

В свете наблюдений Шахматова и Приселкова структура статьи 6605 г. выглядит следующей (границы фрагментов указаны по Лаврентьевской летописи [3. Т. 2]):

А: С начала статьи до слов “... и цѣловашеся поидоша в своя си” (княжеский съезд в Любече) [256.24–257.10];

В: “И приде С(вя)тополкъ с Д(а)в(ы)д(о)мъ Кыеву...” – “... и приставиша 30 мужь стеречи, и 2 отрока княжа, Оуланъ и Колчко” (история ослепления Василька) [257.11–262.5];

С: “Володимеръ же слышавъ, яко ятъ быс(ть) Василко и слѣплень...” – “... и цѣловаше кр(е)сть межю собою, миръ створше” (княжеский съезд у Городца, переговоры со Святополком) [262.6–265.4];

Д: “Василкови же сущю Володимери на преж(е)реч(е)нѣмъ мѣстѣ...” – “... сим же от града отшедшим, сею же снемши погребоша я” (разговор Василька с Василием во Владимире, освобождение Василька, месть Василька) [265.5–269.3];

Е: “С(вя)тополку же обѣщавшюся (+ се створити – Ипат.) прогнати Д(а)в(ы)да, поиде же к Берестью к Ляхом...” – “А С(вя)тополкъ вниде в град в великую субботу, а Д(а)в(ы)дъ бѣжа в Ляхы” (разбирательство Святополка с Давыдом) [269.4–269.30];

Ф: “С(вя)тополкъ же прогна Д(а)в(ы)да, нача думати на Володаря и на Василка...” – “...а С(вя)тополкъ перея Володимеръ и посади в нем с(ы)на своего Ярослава” (бой Святополка с Володарем и Васильком и последующие события) [269.31–273.6].

Гипотеза Шахматова “в редакции” Приселкова следующим образом группирует эти фрагменты. Фрагмент **А** возводится к первой, Несторовой редакции ПВЛ, созданной в последние годы княжения Святополка. Фрагменты **В**, **Д**, **Ф** трактуются как принадлежащие рассказу Василия; предполагается, что этот рассказ был включен Сильвестром во вторую редакцию ПВЛ. Фрагменты **С** и **Е** рассматриваются как вставки Сильвестра.

Не вызывает сомнений, что фрагменты **В** ~ **Д** и **С** ~ **Е** связаны попарно, причем **Д** некогда был прямым продолжением **В**, а **Е** – прямым продолжением **С**. На последнее однозначно указывает начало фрагмента **Е** в Ипат.: “Святополку обещающюся се створити прогнати Давыда...”. Слова *се створити*, лишенные смысла в их нынешнем контексте (и по этой причине опущенные в Лаврентьев-

ском списке), могут относиться только к предложению князей Святополку в конце фрагмента С: «И оумиришас(я) на семь, яко рѣша С(вя)тополку: “Яко се Д(а)в(ы)д(о)ва сколота, то иди ты, С(вя)тополче, на Д(а)в(ы)да: любо ими, любо прожени и”»⁵.

Решительные возражения вызывает между тем выделение в качестве самостоятельных фрагментов отрезков А и F. Оно основывается у Шахматова и Приселкова лишь на априорной уверенности в том, что вставленный в статью 6605 г. рассказ Василия доводит изложение до 6608 г. и заканчивался упоминанием съезда в Уветичах. Между тем само допущение внелетописного происхождения этого рассказа нужно признать абсолютно нереалистичным: невозможно представить, в какой форме мог бы существовать рассказ Василия помимо летописи: в литературной системе своего времени места для него как самостоятельного сочинения не находится. С другой стороны, в контексте ПВЛ этот выдающийся по своим литературным достоинствам текст не представляет собой изолированного явления, но находит яркие параллели в рассказах, имеющих бесспорно киево-печерское происхождение.

Такие параллели обнаруживаются, в частности, в рассказе об Исакии Печерском в статье 6582 г., где обращает на себя внимание образ *ослепительного* света, озарившего пещеру затворника, доведшего себя чрезмерным аскетизмом до бесовского видения “...внезапу свѣтъ восья, яко от с(о)лнца, в пещерѣ, яко зракъ вынимаю ч(е)л(о)в(е)ку” [3. Т. 1. С. 192]. Почти физиологическая осязательность этого образа заставляет вспомнить безжалостное в своем натурализме описание ослепления Василька. Состояние ослепленного князя описывается в тех же выражениях, что и положение измученного бесами Исакия. Ср. об Исакии: “и взяша и, мняще и м(е)ртваго, и вынесше положиша и предъ пещерою” [3. Т. 2. 184]; о Васильке: “быс(ть) яко и мертвъ”, “и вземше и на коврѣ, взложиша на кола, яко мертва”, “и плакатыся нача попадаья, яко мертву сущо оному” [3. Т. 1. С. 261]. Неслучайность этих сближений оттеняется употреблением в обоих рассказах нигде более не встречающегося в ПВЛ и неизвестного, как кажется, другим древнерусским текстам библеизма *ни гласа, ни послушания* (3 Цар. 18: 26). Ср. в рассказе об Исакии: «И приде Антонии къконцю по обычаю и гл(агол): “бла(а)г(осло)ви, о(т)че Исаке”. И не быс(ть) глас(а) ни послушания; и многажды гл(агол)а Аньтонии, и не быс(ть) отвѣта» [3. Т. 2. С. 184] (в Лавр. подчеркнутое пропущено); в рассказе об ослеплении Василька: “И нача Василко гл(аго)лати к Д(а)в(ы)д(о)ви; и не бѣ в Д(а)в(ы)дѣ глас(а) ни послушанья; бѣ бо ужаслься и леть имѣя въ с(е)рдци” [3. Т. 1. С. 259].

Еще пример. Речь, с которой пленный Василько обращается к автору Василию во Владимире, своей узнаваемой, проникновенно-исповедальной интонацией чрезвычайно напоминает речь Изяслава к пришедшему к нему за помощью Всеволоду в статье 6586 г. Две речи объединяет также общий риторический прием: прозвучавший вначале мотив еще раз повторяется в конце пассажа. Совпадают и мизансцены: перед доверительной беседой говорящие садятся. Ср.:

6605: И повелѣ слузѣ своему ити вонъ; и сѣде со мною, нача ми гл(аго)лати: “Се слышно, оже мя хоче дати Ляхом Д(а)в(ы)дѣ. <...> И аще мя вдасть Ляхом,

⁵ Следующая фраза, которой заканчивается отрезок С (“С(вя)тополкъ же емься по се, и цѣловаше кр(е)стъ межю собою, миръ створше”), представляет собой, очевидно, добавление, сделанное при перекомпоновке текста. Очевидно, тогда же к *се створити*, информативно достаточному при контактном расположении фрагментов, было добавлено: *прогнати Давида*.

не боюся см(е)рти; но се повѣдаю ти поистинѣ, яко на мя Б(ог)ъ наведе за мое възвышенье: яко приде ми вѣсть, яко идут к тобѣ Берендичи, и Печенѣзи, и Торци, и рекох въ оумѣ своемъ: оже ми будут Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареву и Д(а)в(ы)д(о)ви: даита ми дружину свою молотшою, а сама пиита и веселитася. И помыслих: на землю Лядскую наступлю на зиму, и на лѣто, и возму землю Лядскую, и мыщю Русьскую землю. И посем хотѣлъ есмъ переяти Болгары Дунаискыѣ и посадити я оу собе. И посем хотях проситися оу С(вя)тополка и оу Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю. Ино помышленье в сердци моем не было, ни на С(вя)тополка, ни на Д(а)в(ы)да. И се кленуся Б(ого)мъ и его пришествием, яко не помыслилъ есмъ зла брат(ъ)и своєю ни в чемже, но за мое възнесенье низложи мя Б(ог)ъ и смири” [3. Т. 1 С. 266].

6586: Всеволодъ же приде к брату своему Изяславу Киеву, цѣловавшеся и сѣдоста. Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И реч(е) юму Изяславъ: “Брате! Не тужи. Видиши ли, колико ся мнѣ склочи: первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? И пакы: кую вину вторую створилъ бѣхъ? Не изгнанъ ли бѣхъ от ваю, брату своєю? Не блудилъ ли бѣхъ по чюжимъ землямъ? Имѣнья лишенъ бых, не створих зла ничтоже. И нынѣ, брате, не туживѣ: аще будетъ нам причастье Русскѣи земли, то обѣма; аще лишена будевѣ, то оба. Азъ сложю главу свою за тя” [3. Т. 1. С. 200–201].

Ввиду этих параллелей есть все основания согласиться с точкой зрения А. Вайана и В. Н. Русинова, считающих автора рассказа об ослеплении Василька, Василя, печерским летописцем [9. Р. 179–183; 10. С. 142–146]. Но значит ли это, что его перу принадлежит весь текст статьи 6506 г.? Безусловно, нет. Не говоря уже об отмеченном выше бесспорном свидетельстве гетерогенности текста статьи, необъяснимым в таком случае оказывается ее хронологический охват, нарушающий погодный принцип изложения, а также соотношение этого повествования с краткими записями за 6606–6608 гг.

Предлагаемое решение, позволяющее преодолеть указанные противоречия, заключается в следующем. Отрезок А мы объединяем с отрезком В, а отрезок Е с отрезком F, выделяя таким образом в статье 6605 г. два слоя: АВ + D и С + EF. Хронологически первый слой охватывает события 6605 г., совсем немного заходя в 6606 г., второй же соответствует содержанию кратких известий ПВЛ за 6606–6608 гг. Это соотношение позволяет видеть в слое АВ + D первоначальный рассказ Печерской летописи (анналистического продолжения Начального свода 1090-х годов) о событиях этого года, а во втором – распространение этого рассказа в ПВЛ повествованием о событиях 6606–6608 гг., которые в погодных записях Печерской летописи были лишь упомянуты.

Распространяя статью 6605 г. Печерской летописи, составитель ПВЛ руководствовался идеологическими соображениями. Первый слой текста, как легко убедиться, демонстрирует известную лояльность Святополку, всячески перекладывая ответственность за ослепление Василька на Давыда. Та же тенденция видна и в рассказе 6608 г. о княжеском съезде в Уветичах, рисуящем Давыда отторгаемым княжеской братией преступником: “Не хотимъ ти дати стола Володимерьскаго, зане ввергль еси ножь в ны” [3. Т. 1. С. 274]; при этом Святополк выступает заодно с другими князьями, как если бы он вообще не был причастен к ослеплению Василька.

Напротив, второй слой статьи 6605 г. не жалеет черной краски для Святополка. На съезде у Городца (отрезок С) киевскому князю предъявляется обви-

нение, заимствованное, похоже, из статьи 6608 г., где оно адресовано Давыду: “Что се зло створиль еси в Русьстѣи земли и ввергль еси ножь в ны?”. И уже Давыд, на которого Святополк пытается свалить вину, частично оправдывается летописцем: “Извѣта о семь не имѣи, яко Д(а)в(ы)дѣ ес(ть) слѣпиль и. Не в Д(а)в(ы)довѣ городѣ ятъ ни слѣпленъ, но в твоємъ градѣ ятъ и слѣпленъ” [3. Т. 1. С. 263]. В начале фрагмента **F** Святополк еще раз, теперь уже устами обращающегося к нему перед битвой Василька, обвиняется в нарушении крестоцелования и ослеплении невинного: “Сего еси цѣловаль; се перьвѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се нынѣ хощеши взяти д(у)шу мою; да буди межи нами кр(е)сть съ” [3. Т. 1. С. 270]. При этом действия Давыда против Святополка описываются во фрагменте **F** вполне нейтрально, а блестящая победа, одержанная Давыдом и Боняком над приведенными Святополком венграми, и вовсе вызывает нескрываемое восхищение летописца.

Различие в тенденции двух слоев приобретает еще более контрастный характер, когда, при более внимательном анализе фрагмента **B**, мы обнаруживаем присутствие в нем двух вставных пассажей. Вставки эти (выделяемые, заметим, вовсе не по идеологическим признакам) заключают в себе в целом не свойственные блоку **ABD** негативные оценки Святополка. Первая из них выявляется в эпизоде “прельщения” Святополка Давыдом:

«Д(а)в(ы)дѣ же, емъ вѣру лживым словом, нача молвити на Василка, г(ла)голя: “Кто ес(ть) оубилъ брата твоего Ярополка, а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился е с Володимером? Да промышляи о своей головѣ”. [С(вя)тополкъ же смятесе оумом, река: “еда се право будет или лжа, не вѣдѣ”. И реч(е) С(вя)тополкъ к Д(а)в(ы)дови: “Да аще право гл(агол)еши, Б(ог)ъ ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, Б(ог)ъ будет за тѣмъ”. [С(вя)тополкъ же сжали си по братѣ своем и о собѣ нача помышляти, еда се право будет? И я вѣру Д(а)в(ы)д(о)ви, и прелсти Д(а)в(ы)дѣ С(вя)тополка» [3. Т. 1. С. 257].

Синтаксическая неуместность *же* во второй из подчеркнутых синтагм дает основание считать, что фраза, сочувственно описывающая душевное состояние Святополка, первоначально следовала непосредственно за речью Давыда, тогда как заключенный в скобки фрагмент, в котором подчеркивается испуг киевского князя и его неспособность к самостоятельному моральному выбору, является вставкой.

Похожий синтаксический сбой позволяет распознать и вторую вставку. Ею следует считать эпизод, в котором Василька предупреждает об опасности встреченный им по дороге детский, а князь, не допуская мысли о нарушении братьями крестного целования, отправляется навстречу опасности:

«Василко же общася прити, не вѣды лсти, юже имяше на нь Д(а)в(ы)дѣ. [Василко же всѣдъ на конь поѣха и оустрѣте и дѣтський его и повѣда ему гл(агол)я: “не ходи, княже, хотять тя яти”. И не послуша его, помышляя: “како мя хотять яти, а оно мнѣ цѣловаше кр(е)сть, рекуще: “аще кто на кого будетъ, то на того будет кр(е)сть и мы вси”. И помысливъ си, прекр(е)стися, рекъ: “вола Г(о)с(по)дня да будетъ”.] И приѣха въ малѣ дружинѣ на княжъ дворъ» [3. Т. 1. С. 259].

И здесь вставной пассаж идеологически выделяется на фоне контекста, возлагающего всю вину на Давыда: в нарушении крестного целования в нем обвиняются оба князя (ср. двукратное *хотять яти*). Ср. дальнейшее развитие этой темы во фрагменте **F**, где – в уже цитированном описании битвы Василька со

Святополком – главным клятвопреступником выставлен уже великий киевский князь.

С прямым осуждением Святополка во фрагментах, образующих второй слой статьи 6605 г., корреспондирует нарочитое возвышение фигуры Владимира Мономаха, представленного в описании съезда у Городца главным радетелем о мире и согласии в Русской земле. В первоначальном рассказе Мономах также упоминался (в связи с предложением Давыда Васильку остановить готовящийся против него поход Владимира и Святополка), однако без тени риторического пафоса, переполняющего рассказ о городецком съезде⁶. Откровенная промономаховская тенденция свойственна в целом тому пласту ПВЛ, который мы отождествляем с ее первой редакцией; лояльность же Святополку (не исключаяющая, впрочем, объективного признания заслуг Мономаха) характеризует продолжение Начального свода. Вероятно, именно этой лояльностью монастыря киевскому князю следует объяснять предельную краткость первоначальных записей Печерской летописи под 6606 и 6607 г. Составитель ПВЛ, не упускавший случая возвысить Мономаха за счет Святополка, компенсировал эту лапидарность своего источника, уравнив подробное повествование об ослеплении и мщении Василька столь же подробным рассказом о съезде у Городца и борьбе Святополка с Давыдом⁷.

Уже упоминавшееся соотношение фрагментов **С** и **Е** дает основание считать, что в первоначальном тексте ПВЛ они следовали один за другим, то есть блок **СЕФ** был просто добавлен к исходному тексту статьи 6605 г. Перестановка фрагментов, в результате которой статья приобрела ее известный нам вид, предстает в таком случае как третий этап в истории текста; в рамках развиваемой нами схемы этот этап естественно связывать с редакцией 1117 г.

⁶ Единственное упоминание Мономаха в рассказе об ослеплении Василька, подчеркивающее его неведение о готовящемся преступлении, похоже, является вставкой: «И прелсти Д(а)в(ы)дъ С(вя)тополка. И начаста думати о Василѣ, а Василко сего не вѣдѣше и Володимерь. И нача Д(а)в(ы)дъ гл(агола)ти: “Аще не имевѣ Василка, то ни тобѣ княженья Киевѣ, ни мнѣ в Володимери”» [3. Т. 1. С. 258]. Имя Владимира здесь явно выбивается из контекста и при этом вводится союзом *и*, что для конструкции с отрицанием необычно: ср. синтаксически более правильное *ни Володимерь* в РА. Поскольку, однако, в Ипат., как и в Лавр., читается *и Володимерь*, синтаксическая шероховатость этого места должна восходить к оригиналу ПВЛ и может рассматриваться как свидетельство редатуры.

⁷ Атрибуции обоих пластов статьи 6605 г. летописцам Киево-Печерского монастыря не противоречат факты, в которых принято видеть свидетельство западнорусского происхождения рассказа Василия: это, во-первых, присутствие автора во Владимире во время заключения там ослепленного Василька и, во-вторых, детальнейшая осведомленность о перипетиях борьбы Святополка с Давыдом, включая подробности сражения с венграми у Перемышля. Первый факт хорошо объясняется предположением Шахматова [2. С. 548–549], согласно которому Василий был духовником Василька Ростиславича. Исполнение этой роли монахом Киево-Печерского монастыря кажется вполне вероятным, особенно если учесть, что во время княжения отца Василька, Ростислава, в Тмуторокани там, по свидетельству Жития Феодосия, находился, пользуясь высочайшим духовным авторитетом, Никон Печерский.

В русле киево-печерской традиции находит объяснение и второе обстоятельство. М.Д. Приселков [8. С. 288], размышляя о том, откуда Василий мог получить сведения о деталях битвы с венграми у Перемышля, высказал предположение, что источником их послужила половецкая песня о подвигах героя Алтунопы. Думается, что оснований для столь экстравагантного вывода текст все же не дает, многократно упоминая, меж тем, подлинного информатора летописца. Им, на наш взгляд, следует считать князя Святослава (Святошу) Давыдовича, который в 1099 г. оказался вовлечен в борьбу Святополка с Давыдом (имя его названо в статье семь раз!), а в 1106 г. принял постриг в Киево-Печерском монастыре.

Весьма вероятно, что именно на этом третьем этапе в текст был вставлен панегирик Владимиру Мономаху, разрывающий рассказ о посольстве киевлян к Владимиру Мономаху во время съезда у Городца. Приведем его вместе с контекстом:

«С(вя)тополкъ же хотѣ побѣгнути ис Киева, [и] не даша ему Кыяне [побѣгнути], но послаша Всеволожую и митрополита Николу к Володимеру, гл(аголю)ще: “Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися и возмуть землю нашу, иже бѣша стяжали о(т)ци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрѣствомъ, побарающа по Русьскѣи земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую”. Всеволожая же и митрополитъ придоста к Володимеру и молиастя ему и повѣдаста молбу Кыянѣ, яко творити миръ и блюсти землѣ Русьскѣи и брань имѣти с погаными. Се слышавъ Володимеръ расплакавъся и реч(е): “Поистинѣ о(т)ци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хотим погубити”, и преклонися на молбу княгинину, чтяшетъ ю акы м(а)т(е)рь о(т)ца ради своего, бѣ бо любим о(т)цю своему повелику и въ животѣ и по см(е)рти, не ослушаяся его ни в чемже, тѣм же и послуша ея акы м(а)т(е)ре, и митрополита такоже, чтяше санъ с(вя)т(ите)льскыи [и] не преслуша молбы его. Володимеръ бо такъ бяше [в Ипат. – есть] любезнивъ, любовь имѣя к митрополитом и къ еп(иско)п(о)мъ и къ игуменом, паче же и чернецскыи чинъ любя и черници любя, приходящая к нему напиташе и напаяше, акы м(а)ти дѣти своя; аще кого видяше [Ипат. – видитъ] ли шумна, ли в коем зазорѣ, не осудяше, но вся на любовь прекладаше [Ипат. + и оутешаше]. Но мы на свое възвратимся. Княгини же бывши оу Володимера, приде Киеву и повѣда вся рѣчи С(вя)тополку и Кыяном, яко миръ будет» [3. Т. 1. С. 264].

Видеть в панегирике вставку позволяет не столько нарушение им последовательности рассказа (такое отступление вполне мог позволить себе и автор), сколько следующая деталь. В начале эпизода сказано, что с посольством из Киева отправилась мать Владимира (“Всеволожая”) и митрополит Никола; однако возвращается в Киев почему-то одна “Всеволожая”. Можно, конечно, допустить, что митрополит по каким-то причинам остался на княжеском съезде; но куда более вероятным кажется видеть в этом несоответствии след непоследовательно произведенной редакции. Очевидно, первоначально в тексте говорилось лишь о посольстве вдовы Всеволода; упоминание же митрополита было добавлено специально, чтобы ввести в текст панегирик, прославляющий покровительство Владимира церковным институтам, перечисление которых возглавляют “митрополиты”.

Итак, к фрагментам текста Лаврентьевской летописи, отражающим редакцию 1117 г., мы относим, помимо разговора летописца с Гюрятой Роговичем под 6604 (1096) г., также продолжение рассказа о событиях этого года и переконнованный текст статьи 6605 г. с вставленным в него панегириком Владимиру Мономаху. Показательно, что на всем этом отрезке ипатьевский текст ПВЛ не содержит никаких дополнительных по отношению к лаврентьевскому известий, которые могли бы рассматриваться как дополнения редакции 1117 г. Такие дополнения, между тем, появляются сразу же по окончании статьи 6605 г.: мы находим их под 6606 (два сообщения), 6609, 6610 и последующими годами, вплоть до последней в списках лаврентьевской группы статьи 6618 г. (см. перечень в [1. С. 36]).

Продолжив поиск дополнений редакции 1117 г. в ипатьевском тексте, невозможно обойти стороной знаменитого рассуждения об ангелах в статьях 1110–1111 гг., в начальной части которого обрывается, перед записью Сильвестра, лаврентьевский текст. В том виде, в каком это рассуждение читается в Ипатьевской летописи, оно включает обширные цитаты из патристической и хронографической литературы. Мнения исследователей о происхождении этого текста и времени его появления в составе ПВЛ расходятся чрезвычайно. Прежде, чем мы попытаемся разобраться в этом вопросе, напомним ход самого рассуждения, для удобства разбив его на фрагменты, как мы выше сделали это со статьей 6605 г.

А. “Том же лѣт(ѣ) быс(ть) знаменье в Печерьстѣм монастырѣ ...” – “... и потом невидим быс(ть)” [284.5–284.15]⁸.

В. «Се же бѣаше не огненьи столпъ, но видъ анг(е)лескъ...» – “... яко ж(е) реч(е): “Анг(е)ль пред тобою предидеть” и [паки]: “анг(е)ль твои буди с тобою» [284.15–285.7]

С. «Якоже пр(о)р(о)къ Д(а)в(ы)дъ гл(аголе)тъ, яко “анг(е)ломъ своимъ заповѣсть о тебе сохранить тя...» – “... Якоже рекохомъ прѣже: зынаменье се быс(ть) м(ѣ)с(я)ца февраля въ 11 д(е)нь, исходяще сему лѣту 18” [262.5–264.25].

Д. “В лѣт(о) 6619. Вложи Б(о)гъ Володимеру въ с(е)рдце, и нача гл(агола)ти брату своему С(в)ятополку...” – “... и тогда се анг(е)ль вложи Володимеру въ с(е)рдце, нача понужати, якоже рекохомъ” [264.25–268.26].

Е. “Тѣм же достойно похволяти анг(е)лы, якоже Иоанъ Златоустецъ рече...” – “... но анг(е)ль мой идеть с вами” [268.26–273.5].

Ф. “Яко же и се с Божьею помощью ...” – “... на славу Б(о)гу всегда и ныня и присно во вѣки, аминь” [273.5–273.12].

Фрагмент **А** представляет собой описание знамения в Печерском монастыре:

“Том же лѣт(ѣ) быс(ть) знаменье в Печерьстѣм монастырѣ: въ 11 д(е)нь феврал(я) м(ѣ)с(я)ца явися столпъ огнень от земля до н(е)б(е)си, а молнья освѣтиша всю землю, и в небеси погромѣ в час 1 нощи, и весь миръ видѣ. Се же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣи, яко не видѣти быс(ть) кр(е)ста, и постоявъ мало, съступи на ц(е)рк(о)вь и ста надъ гробомъ Феодосиевым, и потом ступи на верхъ, акы ко востоку лицъ, и потом невидим быс(ть)” [3. Т. 1. С. 284].

Во фрагменте **В** знамение трактуется как явление ангела:

«Се же бѣаше не огненьи столпъ, но видъ анг(е)лескъ: анг(е)ль бо сице является, ово столпом огненным, ово же пламенем, акоже реч(е) Д(а)в(ы)дъ: “творя анг(е)лы своя д(у)хы и слугы своя огонь полящъ” (Пс. 103: 4), и шлеми сут(ь) повелѣньем Б(о)ж(ь)имъ, амо бо хочеть Вл(а)дыка и Творецъ всѣх. Анг(е)ль бо приходит, кдѣ бл(а)гая мѣста и м(о)л(и)твении домове, и ту показывают нѣчто мало видѣнья своего, яко мощно видѣти ч(е)л(о)в(ѣ)комъ; не мощно бо зрѣти ч(е)л(о)в(ѣ)комъ естества анг(е)льского, яко и Моиси великыи не возможе видѣти анг(е)льского естества: водяшеть бо я въ д(е)нь столпъ облаченъ, а в нощи столпъ огнень; то се не столпъ водяше ихъ, но анг(е)ль идяше пред ними в нощи и въ дне» [3. Т. 1. С. 284–285].

Интерпретированное таким образом, знамение ставится далее в связь с походом на половцев, предпринятым русскими князьями в следующем году:

⁸ Границы фрагментов **А** и **В** указаны по Лаврентьевской., фрагментов **С–Ф** – по Ипатьевской летописи.

«Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же б[ѣ] быти; [еже] и быс(ть): на 2-е бо лѣт(о) не се ли анг(е)лъ вождь быс(ть) на иноплеменники и супостаты? Яко ж(е) реч(е): “Анг(е)лъ пред тобою предидеть”, и [пакы]: “Анг(е)лъ твой буди с тобою» [3. Т. 1. С. 285].

Фрагмент С, начиная с которого мы располагаем лишь ипатьевским текстом, продолжает тему ангелов, но развивает ее в ином ключе. Цитата из Псалтыри вводит рассуждение об ангелах-хранителях: “Яко анг(е)ломъ своимъ заповѣсть о тебе сохранить тя” (Пс. 90: 11). Выдержка из трактата Епифания Кипрского “О весах и мерах” толкует о наличии “своего ангела” у всякого создания: “Къ коейже твари анг(е)лъ приставленъ: анг(е)лъ облакомъ и мъгламъ, и снѣгу, и граду, и мразу и т.д.”. Ангел-хранитель имеется и у всякого народа, даже языческого: “Тако же анг(е)лъ приставленъ къ которой оубо земли, да соблюдаютъ куюждо землю, аще суть и погани”. Этим объясняются и прежние успехи половцев, наведенных на Русь Богом: ими также водительствовал посланный по Божьему повелению ангел. Возражая возможным оппонентам, утверждающим, будто “аньела нѣсть оу поганыхъ”, летописец приводит анекдот об Александре Македонском, отказавшемся, благодаря вмешательству ангела, от похода на Иерусалим. обстоятельно пересказав эту занимательную историю, восходящую, как установил Н.А. Мещерский [11], к книге “Иосиппон”, он возвращается к половецкой теме. Божье благоволение теперь уже на стороне русских князей, находящихся под покровительством ангелов. “М(о)л(и)твами с(вя)тыя Б(огороди)ца и с(вя)т(ы)хъ анг(е)лъ оумилосердися Б(ог)ъ и посла анг(е)лы в помощь Русьскимъ княземъ на поганья. Якоже рече к Моисѣви: се анг(е)лъ мой прѣдъпойдетъ предъ лицомъ твоимъ. Якоже рекохомъ прѣже, зынамень се быс(ть) ...” [3. Т. 2. С. 264]. Совершив круг, автор вернулся к той же цитате из Исхода (Исх. 32: 34), после которой (странным образом!) обрывается лаврентьевский текст.

Фрагмент D содержит описание похода на половцев 1111 г. Тема ангелов возникает в нем впервые там, где заканчивается рассказ о Долобском съезде (построенный, как известно, по образцу рассказа о съезде 1103 г.) и начинается описание самого похода: “И поидоша возложивше надежу на Б(ог)а, и на пречистую матеръ его, и на с(вя)тыя анг(е)лы его”. Однако свое полное развитие она получает лишь в описании второго и решающего столкновения с половцами:

«И посла Г(осподь) Б(ог)ъ анг(е)ла в помощь Русьскимъ княземъ <...> и падаху Половци предъ полкомъ Володимеровомъ невидимо бѣми анг(е)л(о)мъ, яко се видяху мнози ч(е)л(о)в(ѣ)ци, и главы летяху невидимо стинаемы на землю. И побиха я в понедѣльникъ страстныи м(ѣ)сяца марта въ 27 д(е)нь <...> и колодниковъ много изоимаша руками, и въпросиша колодникъ, гл(аголю)ще: “Како васъ толка сила и многое множество не могосте ся противити, но воскорѣ побѣгосте?”. Си же отвѣщеваху гл(аголю)ще: “Како можемъ битися с вами, а друзии ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помагаху вамъ”. Токмо се суть анг(е)лы от Б(ог)а послани помогать хрестьяномъ. Се бо анг(е)лъ вложи въ с(е)рдце Володимеру Манамаху поустити братью свою на иноплеменники Русьский князи; се бо, якоже рекохомъ, видинье видиша в Печерьскомъ монастыри еже стояше столпъ огненъ на тряпезници, таже преступѣ на ц(е)рк(о)вь и оттуда к Городцю, ту бо бяхе Володимеръ в Радосыни. И тогда се анг(е)лъ вложи Володимеру въ с(е)рдце нача понужати якоже рекохомъ...” [3. Т. 2. С. 268].

Фрагмент **Е** не содержит ни одного упоминания Руси и, за исключением ссылок на источники, целиком складывается из двух пространных цитат – из Хроники Георгия Амартола и толкования Ипполита Римского на книгу пророка Даниила; разбор этих пассажей в сопоставлении с греческими оригиналами см. у А. Вайана [15. Р. 24–38].

Фрагмент **Г** завершает рассказ о походе на половцев. Приведем его полностью:

“Яко же и се с Божьею помощью молитвами с(вя)тыя Б(огороди)ца и с(вя)тыхъ анг(е)лъ възвратишася Русьстии князи въ свояси съ славою великою къ своимъ людемъ и ко всимъ странамъ далнимъ, рекуше къ Грекомъ, и Оугромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима проиде, на славу Б(ог)у всегда и ныня и присно во вѣки, аминь” [3. Т. 2. 273].

Как уже было сказано, взгляды исследователей на происхождение этого текста чрезвычайно разнятся. Согласно Шахматову, первая и вторая редакция ПВЛ включали лишь фрагмент **А**, то есть описание знамения; фрагменты **В–Г** ученый относил к редакции 1118 г., объясняя наличие фрагмента **В** в списках лаврентьевской группы вторичным влиянием со стороны этой редакции.

Согласно Д. С. Лихачеву [12. С. 543], Л. Мюллеру [13. С. 167–168], А. Тимберлейку [14. Р. 209–210], весь текст статей 1110 и 1111 гг. читался уже в рукописи Сильвестра, а отсутствие продолжения рассуждения об ангелах (т. е. фрагментов **С–Г**) в списках лаврентьевской группы объясняется утратой ее протографом последних листов. Д. С. Лихачев считает автором рассуждения в целом Сильвестра: “Рассуждения летописца Выдубицкого Михайловского монастыря об ангелах представляют собой попытку выставить патрона этого монастыря, архангела Михаила, виновником русских побед над половцами” [12. С. 543]. По мысли А. Тимберлейка, рассуждение об ангелах в том же виде читалось уже в первой (и единственной) редакции ПВЛ. К первой, Несторовой редакции памятника относит рассуждение в целом и Н. И. Милютенко [5. С. 58–60], видя в “михайловских” акцентах статьи отражение просвятополковской тенденции этой редакции. Сильвестр же, по мысли исследовательницы, выполняя заказ Мономаха, недовольного таким “прославлением Святополка”, оборвал это рассуждение в самом начале, исключив из своей летописи и подробный рассказ о походе 1111 г.

Согласно А. Вайану [9; 15], первоначальная редакция труда Сильвестра (которого Вайан, как мы помним, считает автором ПВЛ), составленная в 1116 г. и адекватно отраженная списками лаврентьевской группы, включала только фрагменты **А** и **В**. Фрагменты **С–Г** Вайан поначалу атрибутировал тому же Сильвестру, видя в них продолжение его труда, созданное спустя несколько лет [9. Р. 183]. Такое же соотношение фрагментов предполагает и В.Н. Русинов [10. С. 146], считая, в отличие от Вайана, что Сильвестр в 1116 г. лишь переписал доведенный до 6618 (1110) г. авторский текст ПВЛ, который затем был продолжен автором (Василием) до 6625 (1117) г. В более поздней работе А. Вайан усомнился в принадлежности Сильвестру продолжения рассуждения об ангелах и описания похода 6619 г., допустив, что эти пассажи были написаны летописцем, продолжившим труд Сильвестра, или же вообще не относятся к ПВЛ, а появились лишь в конце XIII в. в протографе Ипатьевской летописи [15. Р. 18–22]. Мнение о чужеродности этих фрагментов тексту ПВЛ разделяют также Х. Лант и М. Таубе, аргументирующие его, однако, не стилистическими соображениями, как Вайан, а тем, что переводы с еврейского, к числу которых отно-

сится и цитируемый в рассуждении “Иосиппон”, появились на Руси не ранее конца XIV в. [16].

Определяя свою позицию в данном вопросе, заметим прежде всего, что мы не видим оснований рассматривать составляющие большую часть рассуждения об ангелах фрагменты **CDEF** вне основного текста ПВЛ, выводя их написание за рамки древнекиевской эпохи. Время перевода “Иосиппона”, безусловно, является фактором, критическим для датировки данного текста. Однако вопрос о том, когда появились на Руси переводы с еврейского, остается дискуссионным, и решение его в пользу конца XIV в. имеет, как кажется, более противников, чем сторонников (см. [17; 18]). Принятие датировки Ланта и Таубе означало бы, что не ранее конца XIV в. был создан и архетип ипатьевской группы, писец которого, по непонятной причине столь массивно вторгшись в текст статьи 6619 г., ни в чем более не проявил своей литературной активности. Никакими другими соображениями столь поздняя датировка общего оригинала Ипатьевского и Хлебниковского списков не подтверждается; между тем новейшие наблюдения А. П. Толочко позволяют предполагать, что этим общим оригиналом была иллюминированная рукопись конца XIII в., вышедшая из волынской книгописной мастерской Владимира Васильковича [19]. Считать автором рассуждения книжника этого времени также нет необходимости: отмечаемая А. Вайаном литературная гетерогенность статей 6618 и 6619 гг., как мы увидим чуть ниже, неприторечиво объясняется и в рамках традиционной хронологии создания ПВЛ.

Следует отклонить и точку зрения Шахматова, противопоставляющего фрагмент **A** фрагментам **BCDEF**. У Шахматова такое членение текста основывается на ошибочном (как мы признали выше, согласившись в этом с Истриным и Мюллером) представлении о том, что статьи 6619 и последующих годов впервые появились лишь в третьей редакции ПВЛ. В действительности ничто не мешает считать, что истолкование знамения в Печерском монастыре как явления ангела, в связи с походом 6619 (1111) г., как и описание этого последнего, читались уже в оригинале ПВЛ, созданном в 1114–1116 гг.

Значит ли это, что весь текст рассуждения читался уже в оригинале ПВЛ или, по крайней мере, в рукописи Сильвестра, как считают Д.С. Лихачев, Л. Мюллер и другие авторы? Думаю, что нет. В значительной мере шахматовская оценка рассуждения как отражающего редактуру 1118 г., представляется справедливой. Слишком многое сближает пассаж об ангелах с двумя другими крупными дополнениями этой редакции – разговором с Гюрятой Роговичем и ладожскими фрагментами статьи 6622 г. Это и повышенный интерес к чудесному, к историческому анекдоту, даже конкретно к фигуре Александра Македонского; и неумеренная словоохотливость рассказчика, его способность полностью оставить нить повествования ради обширного “ученого” экскурса; и общие способы построения такого экскурса (ср. особенно следующие пассажи: “Аще ли кто речеть, яко аньела нѣсть оу поганыхъ, да слышити яко Олександрю Макидоньскому ополчившю на Дарья...” (6618); “Аще ли кто сему вѣры не иметь, да почнетъ Фронографа...” (6624)); наконец, использование общего хронографического источника.

Примирить это сходство с предполагаемым наличием рассуждения об ангелах уже в оригинале ПВЛ можно, признав последнее текстологически неоднородным. Это, как мы видели, предполагает и гипотеза А. Вайана. Не будучи справедлива в целом, она может быть использована в отдельных моментах.

Как заметил Вайан, в том объеме, в каком рассуждение об ангелах читается в списках лаврентьевской группы, оно обладает композиционной законченностью и проникнуто совершенно иным духом, чем его продолжение в Ипатьевской летописи. Начало рассуждения (фрагмент **В**) отличается монументальной простотой; основанное только на Библии, оно отражает цельный христианский взгляд на мир и совершенно лишено того полемического парадоксализма, многословности и духа наивной учености, которые так бросаются в глаза во фрагментах **С** и **Е**.

Из этого верного наблюдения Вайан делал вывод, что начиная с фрагмента **С** наш текст написан уже другим автором и не принадлежит ПВЛ. Более вероятная, на наш взгляд, альтернатива заключается в противопоставлении фрагментов **АВ**, **Д** и **Ф** как восходящих к силвестровскому тексту ПВЛ, фрагментам **С** и **Е** как вставкам редакции 1117 г.

Это решение, на наш взгляд, обладает рядом преимуществ. Оно хорошо объясняет то впечатление громоздкости и перегруженности, которое оставляет полный текст статей 6618–6619 гг. Последний предстает в таком случае как результат введения в первоначальное повествование двух обширных вставок, совершенно чуждых ему по содержанию и стилистике. Все те черты, которые были отмечены выше как сближающие пассаж об ангелах с редакторскими дополнениями в статьях 6604 и 6622 гг., характеризуют в действительности лишь эти вставки. Освобожденный от них, текст обнаруживает ясную композицию, в которой краткое рассуждение об ангелах связывает между собой в духе христианского провиденциализма описание знамения в Печерском монастыре и рассказ о походе на половцев в 1111 г. В рамках этой композиции конец фрагмента **В** стыкуется с началом фрагмента **Д**: рассказ о походе 6619 г. оказывается следующим непосредственно за его упоминанием в конце статьи 6618 г. (ср. аналогичную стыковку между статьями 6610 и 6611 гг.)

Столь же органично соединяются, в пределах одной статьи, конец фрагмента **Д** и начало фрагмента **Ф**: концовка рассказа о походе на половцев, в Ипатьевской летописи оторванная от описания самого похода огромной подборкой цитат, “возвращается” на место, образуя с предыдущим текстом связанное рассуждение, подводящее итог всему рассказу: **“...и тогда се ангелъ вложи Володимеру въ с(е)рдце, нача понужати, якоже рекохомъ <...>. Яко же и се с Божьею помощю молитвами с(вя)тыя Б(огороди)ца и с(вя)тыхъ анг(е)лъ възъвратишася Русьстии князи въ своя си съ славою великою...”*

В пользу такой стратификации текста говорит и следующий факт. Статья 6618 г. отличается нестандартной “кольцевой” композицией: открывающий ее порядковый номер года еще раз повторяется затем в конце статьи, заключая фрагмент **С** рассуждения об ангелах: **“...знаменьє се быс(тъ) м(ѣ)с(я)ца февраля въ 11 днь, исходяще сему лѣту 18”* [3. Т. 2. С. 264]. Во всем тексте ПВЛ данный прием встречается, кроме этого случая, лишь однажды, в концовке статьи 6604 г.: **“Мстиславъ же възвративъся вспять Суждалю, оттуду поиде Новугороду в свои град м(о)л(и)твами пр(е)п(одо)бнаго еп(иско)па Никыты. Се же быс(тъ) исходящю лѣту 6604 индикта 4 на поль”* [3. Т. 1. С. 240]. Нестандартность приема делает вероятной принадлежность обоих пассажей перу одного автора. Именно это мы и предполагаем, считая оба фрагмента вставками редактора 1117 г.

Отдельный сложный вопрос составляет внутренняя стратификация блока **ABDF**, т.е. той части текста статей 6618–6619 гг., которая, согласно только что

сделанному выводу читалась в оригинале ПВЛ. Предполагать внутреннюю неоднородность этого текста есть все основания. С одной стороны, подробное, с указанием часа, описание знаменья в Печерском монастыре (фрагмент А) должно, по всей видимости, восходить к погодной монастырской летописи, продолжившей Начальный свод. С другой стороны, еще более подробное описание похода на половцев в 1111 г. (фрагменты D и F), представленного как апофеоз политики Владимира Мономаха, со всей очевидностью выдает руку составителя ПВЛ, писавшего после 1113 г. Очевидно вместе с тем, что какое-то описание похода 1111 г. имелось и в Печерской летописи⁹.

Принципиально важно понять, к какому из этих текстовых пластов относится фрагмент В, в котором знаменье в Печерском монастыре истолковывается как явление ангела, в связи с походом 1111 г. Такая же связка между знаменьем и победоносным походом в следующем году имеется и в статьях 6610–6611 гг. В пределах, ограниченных уже сделанными выводами, этот двойной параллелизм допускает три варианта объяснения: 1) в обоих случаях связка “знаменье – победоносный поход” присутствовала уже в Печерской летописи; 2) в обоих случаях эта связка была введена составителем ПВЛ; 3) модель, использованная в статьях 6610–6611 гг. Печерской летописи, была воспроизведена составителем ПВЛ в статьях 6618–6619 г.

Для выбора из этих возможностей безразлично, что описание предшествующего походу княжеского съезда в статье 6619 г. построено по образцу аналогичного эпизода статьи 6611 г. [2. С. 546; 12. С. 541–542]. Эта зависимость заставляет, казалось бы, отдать предпочтение третьему из названных вариантов. Однако жестко увязывать между собой соотношение между описаниями двух съездов и двумя связками “знаменье – поход”, как кажется, не следует. Нужно принять во внимание еще одно обстоятельство, которому справедливо придают большое значение М. Х. Алешковский [21. С. 23–24] и А. Тимберлейк [14. С. 209–210]. Позитивное истолкование небесных знамений в статьях 6610 г. и 6618 г. расходится с их однозначно негативным пониманием, эксплицитно выраженным в статье 6579 г. и, судя по всему, принадлежащим составителю Начального свода и его анналистического продолжения (Печерской летописи): “Знаменья бо въ н(е)б(е)си, или звѣздах, ли с(о)лнци, ли птицами, ли етеромь чимъ, не [на] бл(а)го бывають; но знаменья сиця на зло бывають: ли проявление рати, ли гладу, ли см(е)рть проявляеть” [3. Т. 1. С. 165]. Ср. в статье 6610 г. утверждение об амбивалентности знамений: “И сия видяще знаменья, благовѣрнии чернцы (РАИХ – челоуѣци) со въздыханьем моляхуся к Б(о)гу и со слезами, дабы Б(о)гъ обратилъ знаменья си на добро; знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро” [3. Т. 1. С. 276]. Если прав Алешковский и два эти утверждения не могут принадлежать одному лицу (с чем, как нам кажется, следует согласиться), то обе связки “знаменье – победоносный поход” нужно признать введенными при составлении ПВЛ.

⁹ Это первоначальное описание отразилось, по-видимому, в статье 6619 г. НЛ: “Идоша Святополкъ, Володимерь, Давыдъ и вся земля просто Русьская на половце, и взяша дѣти ихъ и городъ по Дънови Сугровъ и Шарукань” [20. С. 20]. Показательно упоминание половецких детей, отсутствующее в описании похода в ПВЛ. К тому же протографическому по отношению к ПВЛ источнику восходит, очевидно, и второе известие этой статьи НЛ: “Тогда же погоре Подолье Киевѣ, и Църниговъ и Смоленськ и Новгородъ” [20. С. 20]. В ПВЛ данное сообщение не вошло.

История текста статей 6618–6619 гг. реконструируется, таким образом, в следующем виде. Исходный текст статьи 6618 г. включал, помимо начального известия о неудачном походе на половцев к Воину, лишь фрагмент **A** с описанием знамени в Печерском монастыре¹⁰.

В составленной около 1115 г. ПВЛ знамение было истолковано как явление ангела, “вложившего” Владимиру Мономаху мысль о походе на половцев, а сам донской поход был подробнейшим образом и с акцентом на помощи ангелов русским князьям описан в статье 6619 г. Таким образом, на данном этапе в тексте появились фрагменты **B**, **D** и **F**.

Работавший в 1117 г. составитель “Мстиславова” экземпляра ПВЛ, развивая тему ангельского вмешательства в людские дела, значительно распространил текст, введя в него основанные на литературных источниках фрагменты **C** и **E**, в результате чего композиция двух статей приобрела известный нам вид.

В небольшой статье 6620 (1112) г. нет ничего, что выдавало бы руку редактора, хотя краткие известия, из которых складывается эта статья, вполне могли быть записаны не одновременно. О вставках в статьях 6621 и 6622 гг. речь уже шла. В статье 6623 г., большую часть которой занимает описание борисоглебских торжеств, редакторское вмешательство можно подозревать в заключительном пассаже:

“Володимеръ же окова рацѣ сребромъ и златомъ и оукраси гроба ею, тако же и комарѣ покова сребромъ и златомъ, имже поклоняются людие, просяще прощения грѣхомъ. В се же лѣт(о) быс(тъ) знамение: погибе с(о)лнце и быс(тъ) яко м(ѣ)сяцъ, егоже гл(аголю)тъ невѣглиси (в ркп. невѣглиси) снѣдаемо с(о)лнце. В се же лѣт(о) преставися Олегъ С(вя)тославличъ м(ѣ)сяца августа въ 1 днь, а во вторыи погребенъ быс(тъ) оу с(вя)т(о)го Сп(а)са, оу гроба отца своего С(вя)тослава. Того же лѣт(а) оустрои мостъ чересь Днѣпръ” [3. Т. 2. С. 282].

Гетерогенность текста выдает отсутствие подлежащего в последнем известии. Хотя подлежащее – *Владимиръ* – имеется в Хлебниковском списке и дописано другим почерком в Ипатьевском, в этом следует видеть скорее независимое позднейшее восполнение по смыслу, считая чтение основного текста Ипат. первоначальным (именно так трактует это место Л. Мюллер [22. S. 336]). Синтаксическую неполноту фразы естественно объяснять так же, как и в статье 6621 г.: по всей вероятности, запись о строительстве Мономахом днепровского моста первоначально следовала за сообщением об украшении им рак Бориса и Глеба. В таком случае известия о затмении солнца и смерти Олега Святославича следует считать вставками редакции 1117 г. В пользу такой трактовки говорит и то, что запись о затмении не имеет дневной даты: это объединяет ее с известиями о небесных знамениях из числа ипатьевских добавлений (под 6610 и 6614 гг.) и отличает от сообщений данной группы основного текста ПВЛ (ср. точно датированные известия в статьях 6599, 6603, 6610 (3 даты), 6612, 6618).

Тот факт, что в первоначальном тексте статьи 6623 г. сообщение о смерти Олега Святославича отсутствовало, существенен для датировки первой редакции ПВЛ. Если бы в момент завершения работы над ней одного из главных

¹⁰ Считать (как это делал Шахматов, опираясь на Киево-Печерский патерик), что это знамение первоначально истолковывалось летописцем как возвещавшее кончину трех монахов, оснований мы не видим: ПВЛ знает и примеры знамений, описанных вне связи с последующими событиями (см., например, под 6614 г.). В статье 6611 г., очевидно, читалось не поддающееся реконструкции описание похода на половцев на Дон, а также сообщение о пожарах в Киеве, Чернигове, Смоленске и Новгороде, вошедшее в Н1Л (см. предыдущую сноску).

участников майских событий 1115 г. уже не было в живых, летописец, конечно, не преминул бы сообщить об этом. Это позволяет датировать окончание его работы промежутком между перенесением мощей Бориса и Глеба и смертью Олега, то есть между 2 мая и 1 августа 1115 г.¹¹ Тем самым становится еще более вероятным предположение Л. В. Черепнина [24. С. 309–310] о связи составления ПВЛ с вышегородским актом 1115 г.

Что же касается статей 6626 и 6627 гг., то они, по всей вероятности, появились впервые уже в редакции 1117 г.

Завершив обзор вероятных дополнений редакции 1117 г., можно заключить, что наиболее значительные из них образовывали в “княжеском” экземпляре ПВЛ два компактных массива: в статьях 6604–6605 и 6618–6625 гг. Именно эти участки текста и должны были в первую очередь заинтересовать Сильвестра.

Выше мы предположили, что важнейшие из дополнений “княжеского” экземпляра 1117 г. Сильвестр перенес в свой экземпляр путем вставки и замены листов. Теперь, уточнив объем этих дополнений, мы можем попытаться более детально реконструировать механизм “обновления” выдубицким игуменом его рукописи 1116 г.

Чтобы произвести это “обновление” Сильвестру нужно было: 1) списать на чистые листы отредактированный текст статей 6604–6605 и 6618–6625 гг.; 2) вырезать соответствующие листы из своего кодекса; 3) стереть “лишний” текст на прилегающих к месту вставки листах; 4) вставить в кодекс новые листы.

Заметим, что собственно о вставке можно говорить лишь применительно к статьям 6604–6605 гг.; во втором случае объектом замены были заключительные листы кодекса, и тетрадку с новым текстом можно было просто подшить с нижней стороны книжного блока. Текст на этих дополнительных листах должен был начинаться словами: “Якоже пророкъ Давыдъ глаголетъ...” (начало фрагмента С рассуждения об ангелах). Текст первой вставки должен был начинаться словами “Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4-ми лѣты, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородецъ” и заканчиваться в том месте статьи 6605 г., где в рукописи Сильвестра проходила первая после начала отрезка **ЕГ** граница листов.

В пользу такой реконструкции свидетельствуют, на наш взгляд, два знаменательных кодикологических совпадения, на которых мы до сих пор сознательно не акцентировали внимания, хотя внимательный читатель, вероятно, уже заметил по крайней мере одно из них. А именно: в том месте, где, согласно нашим выкладкам, к кодексу 1116 г. должны были присоединяться дополнительные листы, т.е. на границе фрагментов **В** и **С** рассуждения об ангелах, заканчивается текст лаврентьевской группы списков ПВЛ. Там же, где, как мы считаем, должна была начинаться вставка в статье 6604 г., т.е. перед началом рассказа Гюряты, в Лаврентьевской летописи читается “Поучение” Владимира Мономаха.

Соседство “Поучения” с восходящим к “третьей редакции” текстом статьи 1096 г. в свое время навело Шахматова на мысль, что оба текста были внесены в XIV в. в Лаврентьевскую летопись из общего “подсобного источника”, связан-

¹¹ Отметим, что известия о затмении и смерти Олега читаются и в НЛ; это хорошо согласуется со сделанным в [23. С. 208–209] выводом, согласно которому киевские известия статьи 6623 г. отсутствовали в своде Мстислава и были заимствованы его продолжением из редакции ПВЛ 1117 г.

ного с редакцией 1118 г. [2. С. 531; 25. С. 22–24]. В специальном исследовании текстов Владимира Мономаха мы отказались от этой гипотезы, признав более вероятным, что тетрадка с сочинениями Мономаха еще в середине XII в. была вложена в основанный на рукописи Сильвестра летописный свод Переяславля Южного [26. С. 196–201].

Для того, чтобы в результате этой вставки последовательность текстов оказалась такой, какой мы находим ее в Лавр., необходимо было, чтобы рассказ Гюряты начинался в этой рукописи с нового листа. Кажется маловероятным, чтобы граница листов случайно совпала с началом редакторской вставки в статье 6604 г. Между тем, именно так, согласно нашей реконструкции, выглядело данное место в рукописи Сильвестра после ее “обновления” на основе редакции 1117 г. К тому же в месте изъятия из кодекса прежних и вставки новых листов блок книги должен был слегка распасться, и в этот распад впоследствии удобнее всего было вставить тетрадь с текстами Мономаха.

Ту же природу может иметь и второе совпадение. Дополнительная тетрадь с новым текстом за 6618–6625 гг., именно в силу своей отдельности от основного блока книги, могла с легкостью быть утрачена. При этом на последней странице рукописи 1116 г. оставалось, скорее всего, пустое пространство с выскобленным началом статьи 6619 г. (поскольку опять же маловероятно, чтобы слова “и ангель твои буди съ тобою”, которыми заканчивался текст статьи 6618 г. перед вставкой, находились на последней строке оборотной стороны листа). На этом пустом пространстве Сильвестр, уже после утраты последней тетради, мог сделать запись о написании им “летописца” в 1116 г. В литературе уже обращалось внимание на то, что формулировка колофона Сильвестра (“а мнѣ в то время игуменящо оу с(в)ятаг(о) Михаила”) может указывать на ретроспективный характер записи, сделанной уже в бытность Сильвестра переяславским епископом [21. С. 49–50]. Предлагаемая реконструкция обстоятельств появления записи хорошо согласуется с такой ее трактовкой¹².

Впрочем, нельзя исключить, что тетрадь с дополнениями за 6618–6625 гг. никуда не исчезала, а просто не была присоединена к подготовленной для этого рукописи 1116 г. “Княжеский” экземпляр ПВЛ, как мы выяснили выше, был завершен после 26 сентября 1117 г. А 1 января 1118 г. Сильвестр уже был поставлен на кафедру в Переяславль. Отправляясь к месту будущего служения, новопоставленный епископ мог не успеть завершить обновления своего кодекса¹³.

¹² Возражая против данной интерпретации, А. Поппэ заметил, что формула “в то время” не обязательно предполагает реальную удаленность момента составления записи от момента написания рукописи: она может создавать лишь иллюзию ретроспекции, будучи ориентирована на восприятие текста читателем; в качестве аналогии исследователь ссылается на запись дьякона Григория в Остромировом евангелии, в которой описание современной политической ситуации вводится наречием *тогда* (“Изаславу же кънѣзюу тѣгда прѣдрѣжащоу обѣ власти...” [27]. Учитывая это, более важное (хотя и косвенное) свидетельство ретроспективности колофона Сильвестра можно видеть в необычном для формуляра выходных записей древнерусских книг отсутствии формы местоимения *азъ* (ср. в той же записи Остромирова Евангелия: “Азъ Григории диакон...”), вступающем в противоречие с 1-м лицом глагола (*написахъ*). Употребление ее в сочетании с указанием игуменского статуса заставляло бы воспринимать последнее как относящееся к моменту составления записи; между тем отсутствие местоимения позволяет понять текст так, что Сильвестр был игуменом, когда работал над кодексом, но в настоящее время им уже не является. Не исключено, что первоначально имевшееся в записи местоимение было намеренно опущено Сильвестром при ее копировании.

¹³ На то, что незавершенность лаврентьевского текста ПВЛ может объясняться спешным отъездом Сильвестра в Переяславль, мое внимание обратил К. Цукерман.

В Переяславль Сильвестр мог взять с собой рукопись, подготовленную для присоединения к ней дополнительной тетради, с выскобленным началом статьи 6619 г. в конце последнего листа.

Резюмируя сделанные выводы, мы можем предложить следующую реконструкцию этапов сложения текста ПВЛ начиная с 90-х годов XI в. (см. схему 1).

Около 1091 г. в Киево-Печерском монастыре был создан Начальный свод (А). Вскоре он получил продолжение в виде погодной Печерской летописи, которая регулярно пополнялась записями – от кратких заметок до подробных повествований – до, по крайней мере, 1114 г. Лицом, делавшим эти записи, был, по всей видимости, сам составитель Начального свода.

В 1114–1115 гг. путем основательной переработки Начального свода и его анналистического продолжения (Печерской летописи) в стенах того же монастыря была создана “Повесть временных лет” (В). В составе нового свода текст Печерской летописи был отредактирован и дополнен в духе прославления Владимира Мономаха. Наиболее вероятным импульсом к составлению ПВЛ следует считать перенесение мощей св. Бориса и Глеба 2 мая 1115 г., приуроченное к столетию их кончины.

Одновременно с созданием ПВЛ, в Новгороде, на основе того же продолженного Печерской летописью Начального свода (использованного до 6524 полностью, а далее – в виде кратких извлечений) был создан летописный свод Мстислава Владимировича, отразившийся в Н1Л обоих изводов (по статью 6622 г., за исключением текста младшего извода за 6553–6583 гг.)¹⁴ (С).

В 1116 г. киево-печерский оригинал ПВЛ переписал игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр (D); видимые основания считать его рукопись особой редакцией памятника отсутствуют.

В 1117 г., после перевода Мстислава из Новгорода в Белгород, на основе рукописи Сильвестра был изготовлен еще один экземпляр ПВЛ, в котором текст выдубицкого экземпляра подвергся редакторской обработке, особенно интенсивной в заключительной части свода, но затронувшей и его начало (рассказ о Рюрике). Этот “княжеский” или “мстиславов” экземпляр ПВЛ (E) является общим протографом Ипатьевской летописи (J) и южнорусского источника свода 1479 г. (K).

¹⁴ Предположение об одновременности создания ПВЛ в Киеве и свода Мстислава в Новгороде способно объяснить своеобразие структуры последнего. Тот факт, что рубеж между полным и выборочным использованием в Н1Л Начального свода приходится на 1016 г., коррелирует с предполагаемой приуроченностью составления ПВЛ к борисоглебским торжествам 1115 г. С другой стороны, переход к выборочному использованию сводом Мстислава его киевского источника соблазнительно объяснить тем, что в Новгород в 1114 г. был послан оригинал Начального свода, вернее, та его часть, которая к этому времени уже была обработана составителем ПВЛ; из остальной же части Начального свода и его продолжения были сделаны выписки, заканчивавшиеся известием 6622 г. о смерти Святослава Владимировича. Лицом, доставившим эти материалы в Новгород и составившим из них (с добавлением местных летописных материалов) свод Мстислава, вполне мог быть будущий составитель редакции 1117 г. (“Мстиславова” экземпляра ПВЛ). Заметим, что причастность к составлению свода Мстислава “редактора Василия” предполагал и М.Х. Алешковский [21. С. 27].

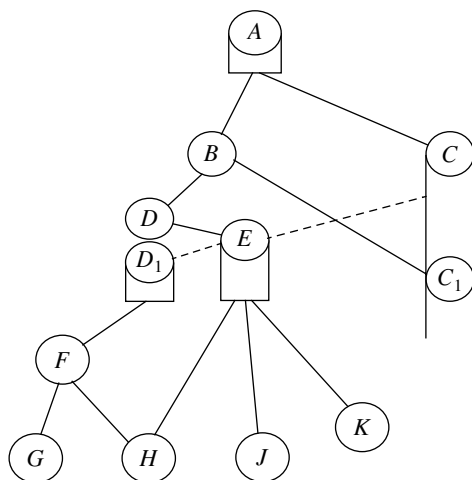
Свод Мстислава в таком случае может рассматриваться как своего рода побочный результат создания ПВЛ, использовавший “отработанный” ее составителем материал Начального свода. Можно думать, что в части до 6524 г. свод Мстислава физически представлял собой не что иное, как оригинал Начального свода. Таким же образом, согласно реконструкции, предложенной в [28. С. 64–68] возник, как “побочный продукт” составления архиепископского свода конца 1160-х годов, протограф Синодального списка Н1Л.

Сразу после составления “княжеского” экземпляра ПВЛ (“редакции 1117 г.”) наиболее значительные из его дополнений были перенесены, путем замены и вставки листов, в рукопись Сильвестра (**D**₁). С утраченным (или не успевшим появиться) новым окончанием кодекс Сильвестра, после поставления его переяславским епископом, лег в основу местного летописного свода, к которому – через ряд промежуточных звеньев – восходит архетип лаврентьевской группы (**F**). К нему в свою очередь полностью восходит текст ПВЛ в Лаврентьевской и Троицкой летописях (**G**) и частично – в Радзивиловской летописи (**H**), использовавшей также источник типа **E**.

Несколько известных статей 1114 и 1115 г. были вскоре после составления “княжеского” экземпляра ПВЛ перенесены в новгородский свод Мстислава. Впоследствии, при составлении архиепископского свода 1160-х годов (**C**₁), в Новгороде был использован список ПВЛ, восходивший к ее киево-печерскому оригиналу (из него был извлечен текст статей 6553–6582 гг.).

Приложение

Схема

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007. № 5.
2. Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI–XII вв.
3. Полное собрание русских летописей. СПб., Пг., М. 1841–.
4. Гиппиус А.А. О критике текста и новом переводе-реконструкции Повести временных лет // Russian Linguistics. 2002. Vol. 26.
5. Милютенко Н.И. Летописание Мстислава Великого // Староладожский сборник. Вып. 2. СПб.; Старая Ладога, 1999.
6. Гиппиус А.А. Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. II // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8).
7. Творогов О.В. Василий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.).
8. Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.

9. *Vaillant A.* La chronique de Kiev et son Auteur // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1954. Књ 20.
10. *Русинов В.Н.* Летописные статьи 1051–1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций “Повести временных лет” // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2003. Вып. 1(2).
11. *Мецгерский Н.А.* Отрывок из книги “Иосиппон” в “Повести временных лет” // Палестинский сборник. М., 1956. Вып. 2.
12. *Лихачев Д.С.* Повесть временных лет: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2.
13. *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.
14. *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. 2000. № 1.
15. *Vaillant A.* Les citations des annes 1110–1111 dans la chronique de Kiev // Byzantinoslavica. 1957. Vol. 18.
16. *Lunt H., Taube M.* Early East slavic translations from Hebrew? // Russian Linguistics. 1988. Vol. 12.
17. *Архинов А.* По ту сторону Самбатииона: Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X–XVI вв. Oakland, 1995.
18. *Алексеев А.А.* Русско-еврейские литературные связи до XV в. // Jews and Slavs. Jerusalem; St. Petersburg. 1993.
19. *Толочко А.П.* Как выглядел оригинал Галицко-Волынской летописи // Восточная Европа в Древности и Средневековье. М., 2005. XVII Чтения памяти В.Т. Пашуто. IV Чтения памяти А.А. Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 г. Материалы конференции.
20. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
21. *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971.
22. Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademičeskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja, ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller (= Forum Slavicum, Bd. 56), München, 2001.
23. *Гиниус А.А.* Новгородская владычная летопись и ее авторы: история и структура текста в лингвистическом освещении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2005. М., 2006.
24. *Черепнин Л.В.* “Повесть временных лет”: ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. 1948. Т. 25.
25. *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
26. *Гиниус А.А.* Сочинения Владимира Мономаха: Опыт текстологической реконструкции. III // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12).
27. *Поппэ А.* О записи игумена Сильвестра // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
28. *Гиниус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 [16].